

ЛИЧНОСТЬ КНЯЗЯ К. К. ОСТРОЖСКОГО В ИСТОРИИ

В 2008 г. исполняется 400 лет со дня кончины князя Константина (Василия) Константиновича Острожского (1526—1608), потомка Рюриковичей и князей туровских, киевского воеводы, с именем которого связан культурно-богословский подъем на белорусско-украинских и польских землях и ревностная защита православия в конце XVI в. В 1908 г. памятная дата

300-летия со дня кончины князя К. К. Острожского отмечалась всенародно, сопровождаясь масштабными официальными мероприятиями, молебнами, крестными ходами, закладкой фундамента под строительство минского церковно-исторического музея. Православная общественность поднимала вопрос о канонизации князя Константина (Василия) Константиновича Острожского¹.

52

Деятельность князя К. К. Острожского, как и деятельность его отца — Константина Ивановича Острожского, всегда ассоциировалась с «золотым веком западнорусского православия»². Это нашло отражение в расцвете литературно-просветительского дела, кульминацией которого стали основание т. н. славяно-греко-латинской Острожской академии и критический перевод Библии (1580), на основе греческих текстов. Русский богослов протоирей Георгий Флоровский отмечал: «Но всего важнее при этом ненарушенная и живая связь с византийским преданием»³.

С точки зрения отца Георгия Флоровского, лишь верность византийским и патристическим преданиям способна была преодолеть унию. В Брестской церковной унии 1596 г. русский богослов рассмотрел, с одной стороны, прежде всего клерикальное движение: «Уния была делом епископов, действовавших в отрыве от церковного народа, без его свободного и соборного согласия и совета, «скрыто и потаенно, без поразуменья народу христьянского». И создавалось странное положение: во главе православного народа оказывалась униатская иерархия»⁴. С другой стороны, писал протоирей Георгий Флоровский, с самого начала вопрос об унии был поставлен как вопрос культурного самоопределения. «Уния, — подчеркивал богослов, — означала самовключение в западную традицию. Это было именно религиозно-культурное западничество»⁵. Таким образом, в унии религиозно-культурный фактор соединился с клерикализмом, опорой которого стал узкий социальный слой высшей светской власти Речи Посполитой, включая короля Сигизмунда III, а также высшую церковную иерархию.

Однако основной церковно-исторический парадокс заключался в том, что, являясь составной частью римско-католической церкви, униатство, с одобрения Рима, становилось новым видом церковности, по существу новой конфессией, мало зависимым от Рима и абсолютно независимым от Константинополя, «тутэйшым» делом. Известно, что униаты Речи Посполитой под страхом судебного преследования не имели права переходить не только в православие, но и в католичество⁶. Однако эти переходы имели место. Формально-юридический характер унии зачастую приводил к тому, что многие верующие видели в униатстве некую обновленную культурно-

53

юридическую оболочку, не затрагивающую существа личной веры традиционного направления. Кроме того, перешедшие в унию православные рассчитывали на распространение гражданских прав и свобод, которыми обладали католики в органах представительской и законодательной власти, в частности католические епископы в сейме. Поэтому, возможно, многим магнатам и шляхтичам — по крайней мере, их детям — дело унии стало представляться довольно привлекательным и социально-прогрессивным явлением.

Князь К. К. Острожский один из первых призвал православие к самозащите и в практической борьбе выработал принципы гражданской и церковной политики. Он выступил за сохранение религиозной свободы и толерантности, необходимость открытого диалога всех заинтересованных сторон, включая участие высших церковных, светских властей и мирян, всестороннее обсуждение важных церковных вопросов на соборе в присутствии представителей восточных церквей. Острожский принял интеллектуальный вызов и в культурно-религиозной плоскости организовал литературную полемику, привлекая протестантских писателей и протестантские аргументы. Это нашло критическую оценку со стороны князя Андрея Курбского⁷. Следует подчеркнуть, что Брестская уния, в отличие от, например, Лионской или Ферраро-Флорентийской, дала толчок к интенсивному сотрудничеству православных с протестантами, известным результатом которого стало заключение конфедерации, или союза между конфессиями, в 1599 г. Данному эпизоду могли бы позавидовать

тюбингенские богословы, которые в том же XVI в. предприняли несколько неудачных попыток установить институциональные отношения с Константинополем.

Следует отметить смелый опыт «практического экуменизма» князя К. К. Острожского в общественных и личных связях, строительстве семейных отношений с влиятельными католическими и протестантскими княжескими родами⁸. В связи с этим можно и нужно говорить о просчетах Острожского в выдвижении тех или иных кандидатур на политическую и цер-

ковно-политическую арену, многие из которых стали инициаторами введения унии «сверху». По-видимому, в условиях социально-политической трансформации активные политики вынуждены прибегать из тактических соображений к прагматизму. Однако Острожский в историю вошел не столько ловким сиюминутным тактиком, сколько несгибаемым стратегом, предпочитающим в кризисные моменты плыть «против течения», утверждая историческую справедливость.

Личность князя К. К. Острожского по силе влияния, размаху просветительно-интеллектуальных проектов и дипломатической сдержанности может быть сравнима с личностью известного исторического деятеля «поздней» Византии — Иоанна Кантакузина (в монашестве — Иоасафа) (находился на императорском троне с 1347 по 1354 г.). Кантакузин был тестем императора Иоанна V Палеолога, который тайно в Риме принял католичество в 1369 г. Как пишет известный византолог протоиерей Иоанн Мейендорф, многие византийцы, в том числе и Иоанн V Палеолог, были готовы с поспешностью принять все условия Папы, лишь бы поскорее получить военную помощь. Иоанн Кантакузин, верный ученик Григория Паламы, оставаясь глубоко православной личностью, считал, что предполагаемая уния может быть заключена лишь через разрешение на совместном Соборе тех богословских вопросов, которые разделяли Восток и Запад⁹.

Уния, заключенная верхами без участия церковного соборного сознания, т. е. любой ценой, не устраивала и кн. К. К. Острожского. Острожский, конечно, подписался бы под следующими словами Иоанна Кантакузина, которые тот высказал в беседе с папским легатом Павлом в 1367 г.: уния никогда не сможет быть введена указом императора. «Это невозможно в нашей Церкви, — говорил он, — потому что веру нельзя навязать силой»¹⁰. Князь К. К. Острожский выдвинул идею созыва собора с участием всех православных патриархов¹¹.

Интересно, что как К. К. Острожский, так и Иоанн Кантакузин, являясь ревнителями, или «зилотами» православия, не выступали против контактов с Западом и, опираясь на современные достижения западной богословской мысли, развернули масштабные культурно-просветительские и научно-образовательные проекты. Как отмечал протоиерей И. Мейендорф, необходимой предпосылкой межцерковного диалога была осведомленность насчет

латинского богословского мышления, и именно в окружении Кантакузина латинские богословские источники постоянно переводились на греческий язык (например, Фома Аквинский)¹². Острожский применил другой метод в соответствии с обстоятельствами XVI в.: в апологетической литературе он использовал полемический опыт и знания протестантов. Таким образом, следует подчеркнуть открытость Острожского по отношению к христианским богословским традициям, искреннее желание путем диалога решать спорные вопросы, ревностно заботясь о православии. Последнее проявлялось в опоре на научно-просветительские проекты: устройство двух типографий в Остроге и Дермани, учреждение Острожской академии, издание Библии, поддержка ученых (например, львовского священника Василия, составившего книгу «О единой вере»). Как и во времена Кантакузина, Острожскому не приходилось рассчитывать на государственное законодательство как орудие обустройства дел Церкви, и единственной надеждой для «рутенской» православной церкви, так же как и для поздневизантийской XIV—XV вв., оставалась возможность получить в грядущем диалоге интеллектуальное превосходство путем «глубинного выхода» на западное богословие¹³.

Известный «дипломатизм» Острожского являлся более средством, нежели целью. Сообразуясь с вызовами времени, Острожский видел будущее «рутенского» православия на путях равноправных отношений с Москвой и другими православными центрами, он верил во вселенский характер православия и законопослушно искал поддержку у Константинопольского патриарха, который в тот момент сам испытывал большие трудности (как и другие восточные патриархи). Протоиерей Георгий Флоровский объяснял всю историческую неизбежность прививки протестантизма и необходимость обсуждать богословские и религиозные вопросы в их западной постановке: «...на греческую помощь не всегда можно было положиться. Ведь греческие учителя обычно приходили с Запада, где учились сами, в Венеции или в Падуе, или даже в Риме, или в Женеве или в Виттенберге, и приносили оттуда не столько византийские воспоминания, но чаще западные новшества»¹⁴.

Очевидно, что в каком-то смысле Острожский был утопистом, с самого начала не разглядевшим всю

несвоевременность постановки вопроса «соединения церквей». Но это не вина К. К. Острожского, а его во многом личная трагедия. Ведь и по сей день *unió*, или «единение», есть в своем изначальном смысле благородный порыв верующих действовать согласно Евангелию и не на словах, а на деле заботиться о церковном единстве. Единственное, что не удалось К. К. Острожскому, так это просчитать до последнего шага, к каким последствиям может привести воплощение идеальной утопии

в конкретно взятом государстве. Идея унии в своем историческом оформлении превращалась в нехристианский униатизм¹⁵, подлинную трагедию белорусского народа¹⁶. Острожский открыто выступил против недостойного заключения унии, хотя и был искренним сторонником церковного единства, учитывающим региональные особенности: многонациональный и многоконфессиональный состав населения, тесную историческую связь с Европой и Москвой. Брестский вариант унии не допускал автономии Киевской церкви как самостоятельной митрополии, прерывал духовное единство с Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Московской патриархиями, т. е. церквами, пребывающими в расколе с Римской церковью. Таким образом, если и говорить о стиле церковной дипломатии князя К. К. Острожского, то только в смысле, обратном тому, что общепринято подразумевать под дипломатией с классических времен возникновения профессиональной новоевропейской дипломатии (фр. — *diplomatie*): уклончивость, тонкий расчет, двусмысленность, «двойные стандарты», умелое и часто неискреннее обращение с людьми для достижения каких-либо целей. Острожский был хотя и умелым, но никак не расчетливым, утонченно ведущим свою игру дипломатом в новоевропейском стиле.

Становится все более очевидным, что не просчеты и ошибки определяют историческое значение личности Острожского и не его искреннее увлечение экуменическим утопическим идеалом (который принес ему достаточно разочарований и в частной, и общественно-политической жизни и который был во многом данью исторических обстоятельств и времени). Исторический масштаб его личности измеряется прежде всего практической защитой православия на белорусско-украинских землях, его непосредственным влиянием на ход исторических событий и основных его деятелей¹⁷. Кульминацией защиты дела православия стало воззвание (окружное послание) от 24 июня 1595 г. киевского воеводы князя Константина Константиновича Острожского к православному духовенству и мирянам с убеждением их твердо стоять в православной вере. Это был призыв-ультиматум без права на историческую ошибку и без какого-либо намека на дипломатическую уклончивость или тонкую игру: «Не воздух бо или ветер пасуще чиним, но единыя истинныя веры держащесе блюдем»¹⁸. Как многоопытный политик,

К. К. Острожский понимал, что борьба предстоит долгая, он настраивал на терпение, двойную защиту и всенародную борьбу с серьезным противником. Он призвал «крепко» вооружаться и рассчитывать прежде всего на Божью помощь, «яко да сокрушит сатану под ноги наша». Духовный смысл предстоящих испытаний Острожский определил следующим образом: «Возбужающе нас от сна и в целомудрие приводяще, досветчает и пробует, яко да боголюбцы объявятся, а сластолюбцы обличатся и посрамлены будут»¹⁹. Таким образом, принципиальная позиция князя К. К. Острожского поставила под сомнение все возможные попытки представить унию традиционным укорененным типом религиозности на белорусско-украинских землях, «национальной» религией белорусов и украинцев²⁰.

В XX в. униатство признано неподходящим методом поиска единства, так как он противоречит общей традиции церквей²¹. II Ватиканский собор постановил в статье 6 Декрета о Восточных католических церквах: «Если же, под влиянием времени и людей, они отошли недолжным образом от отеческих преданий, то они должны стараться вернуться к ним»²².

Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси подчеркнул, что Брестская уния 1596 г. во многом определяла и определяет духовный и исторический облик Европы от Средневековья до сего дня. По мнению современного богослова, уния является таким событием в истории нашего многострадального Отечества, которое «словно незаживающая рана... то затягивается, то вновь открывается и кровоточит... по сей день, ибо рана сия вновь открыта». В связи с этим актуален вопрос о ревности православных о воссоединении Церкви Христовой, ибо «стремление к единству, которое заповедал Господь, — это извечное, Самим Богом заложенное в человеке свойство его богоподобной природы». «Но истинно божественное соединение, — напоминает митрополит Филарет, — бывает лишь в духе мира и нелицемерной любви...». Богослов решительно отвергает тот путь единства, который вызван «каиновой» ревностью: «Участь же Каина, убившего брата своего из ревности о принесении богоугодной, как ему казалось, жертвы Господней, да не постигнет нас!»²³.

Таким образом, деятельность князя К. К. Острожского дает верные ориентиры для истинной ревности к делу защиты православия, обеспечивая подлинное партнерское взаимодействие и диалог в обществе с целью достижения исторической справедливости. Острожский-просветитель показывает яркий пример возможности плодотворного сотрудничества ученых различных христианских вероисповеданий, представителей светских и теологических наук. Влияние деятельности князя К. К. Острожского не ограничивается XVI — началом XVII в. И в XXI в. остро стоят проблемы практического выбора культурно-исторической идентичности в условиях интенсивного межхристианского диалога и сотрудничества различных конфессий и деноминаций Беларуси. Во многом благодаря подвижничеству таких личностей, как князь К. К. Острожский, продолжается и по сей день «золотой век православия» на белорусских землях.

¹ Современный белорусский исследователь Е. К. Анищенко пишет о том, что в 1774 г. полоцкий униатский архиепископ Ясон Смогоржевский добился от Рима подтверждения постановления 1624 г. о запрете униатам переходить в католичество. Защищал позиции униатской церкви от перевода верующих как в католичество, так и в православие [см.: 1].

² Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1993—1995. Т. 2. С. 259.

³ Флоровский Г., протоирей. Пути русского богословия. 3-е изд. с предисловием прот. И. Мейендорфа и указат. имен. Киев, 1991. С. 35.

⁴ Флоровский Г., протоирей. Пути русского богословия. 3-е изд. с предисловием прот. И. Мейендорфа и указат. имен. Киев, 1991. С. 38.

⁵ Флоровский Г., протоирей. Пути русского богословия. 3-е изд. с предисловием прот. И. Мейендорфа и указат. имен. Киев, 1991. С. 41.

⁶ Жена — Софья Тарновская, дочь краковского каштеляна, католического вероисповедания. Сын Януш был крещен в католичество. Еще один сын перешел в католичество, а младший Александр был православным (он присутствовал на православном брестском соборе 1595 г., впоследствии был отравлен слугой). Дочери вышли замуж за протестантов — Крыштофа Радзивилла и Януша Кишку. В общественно-государственной жизни Острожский поддержал претендента на престол короля Сигизмунда III, способствовал выдвижению Ипатия Потя, своего родственника, на светском и церковном поприщах.

⁷ Сочинения Андрея Курбского. Второе послание князю Константину Острожскому // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / Российская академия наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); под ред. Д. С. Лихачева. СПб., Т. 11. 2001. С. 544—545.

⁸ Утопическая униональная идея князя К. К. Острожского больше известна как программа всеобщей или универсальной унии [см.: 6; 59—60, 68—69]. Эта программа нашла известное отражение в постановлениях Брестского православного собора 1595 г. [см.: 3; 198]

⁹ Мейендорф И., протоирей. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы; пер. с англ. В. Марутика / И. Мейендорф. Минск, 2001. С. 149.

¹⁰ Мейендорф И., протоирей. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы; пер. с англ. В. Марутика / И. Мейендорф. Минск, 2001. С. 150.

¹¹ Известно решающее влияние князя К. К. Острожского на окончательное размежевание с идеей унии двух православных епископов: львовского Гедео́на Балабана и перемышльского Михаила Копыстенского. Участие епископов в брестском православном соборе в 1596 г. укрепило его церковно-правовой статус [см.: 3, 204; 6, 63; 10, 40].

¹² Мейендорф И., протоирей. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы; пер. с англ. В. Марутика / И. Мейендорф. Минск, 2001. С. 149.

¹³ Мейендорф И., протоирей. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы; пер. с англ. В. Марутика / И. Мейендорф. Минск, 2001. С. 150.

¹⁴ Флоровский Г., протоирей. Пути русского богословия. 3-е изд. с предисловием прот. И. Мейендорфа и указат. имен. Киев, 1991. С. 37.

¹⁵ Суттнер, Э. К. Восточные церкви в унии с Римом (Различные способы понимания унии) / Э. К. Суттнер // 400 лет Брестской церковной унии. 1596—1996. Критическая переоценка: сб. материалов междунар. симпозиума. Неймеген, Голландия. М., 1998. С. 238—248.

¹⁶ Материалы научно-богословской конференции, посвященной памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского и 400-летию Брестских церковных соборов. Брест, 16—19 сент. 1996 г. Минск, 1997. С. 24-29.

¹⁷ Слово «дипломатия» произошло от греч. διπλοια, что означало сдвоенное, вместе сложенное. Существует однокоренное слово διπλος — двойной, удвоенный. Привлекло наше внимание и производное новогреческое слово διπλοαυταλωνω — запирать на двойной замок, надежно запирать. В этом прочтении дипломатия может быть интерпретирована как дело защиты с удвоенной энергией и бдительностью.

¹⁸ Уния в документах : сб. / сост. В. А. Теплова. Минск, 1997. С. 98.

¹⁹ Уния в документах : сб. / сост. В. А. Теплова. Минск, 1997. С. 101.

²⁰ Материалы научно-богословской конференции, посвященной памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского и 400-летию Брестских церковных соборов. Брест, 16—19 сент. 1996 г. Минск, 1997. С. 13.

²¹ Суттнер, Э. К. Восточные церкви в унии с Римом (Различные способы понимания унии) / Э. К. Суттнер // 400 лет Брестской церковной унии. 1596—1996. Критическая переоценка: сб. материалов междунар. симпозиума. Н

еймеген, Голландия. М., 1998. С. 238—248.

²² *Суттнер, Э. К.* Восточные церкви в унии с Римом (Различные способы понимания унии) / Э. К. Суттнер // 400 лет Брестской церковной унии. 1596—1996. Критическая переоценка: сб. материалов междунар. симпозиума. Неймеген, Голландия. М., 1998. С. 238—248.

²³ Материалы научно-богословской конференции, посвященной памяти преподобномученика Афанасия, игумена Брестского и 400-летию Брестских церковных соборов. Брест, 16—19 сент. 1996 г. Минск, 1997. С. 8.